

Готовился ли Сталин к войне?

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, Вы где-то сказали, что перед войной было престижно работать в оборонной промышленности, что все видели, что идет подготовка к войне. На самом деле шла подготовка к войне?

Борис Викторович Раушенбах: Да.

Бернгардт: Ведь кое-кто говорил, что Сталин дурак, не был готов к войне...

Борис Викторович: Дураки говорят, что Сталин дурак, – это нормально! Сталин готовился к войне. Он считал, что война неизбежна. Я ведь тогда работал в оборонной промышленности, и мы получали указания, которые шли через наркоматы, конечно же, с одобрения Сталина. Так вот, первое, что мы получили перед войной, – указание прекратить работы по проектам, длительность которых больше трех лет. Это было примерно за год до войны, точно не помню. Условно говоря, 40-й год. И мы стали закрывать темы, которые не имели непосредственного быстрого выхода. А силы освобождающиеся бросали на те работы, которые могли закончиться до трех лет.

Бернгардт: А какого характера работы – наступательного, оборонительного?

Борис Викторович: На самом деле отделить наступательное от оборонительного очень трудно, практически невозможно. Тут больше болтовни, что есть наступательное оружие и оборонительное. Зенитные пушки, конечно, оборонительное оружие, это понятно. Но ракета может быть и наступательной, и оборонительной, как угодно...

В общем, мы знали, что начнется война. Не знаю, что в других местах говорилось, я знаю, о чем говорили мне. Нам объяснили (война уже шла, Франция была разбита), что мы неизбежно вступим в эту войну. Но – примерно через три года. То есть не в 41-м, а где-то в 43-44-м. Что Германия в конце концов будет разбита Америкой и другими, а мы будем спасать немецкий народ. Наша задача будет – оккупировать Германию для спасения немецкого народа от союзников. Так мне объясняли, и я был уверен, что Германия на нас не пойдет, а мы будем ее спасать. Не Гитлера, конечно, а немецкий народ.

Вот такие были странные теории – во всяком случае, у людей, с которыми я имел контакт. И мы соответственно вели работы. В нашем институте, например, все силы были брошены на знаменитые "катюши", а все эти крылатые ракеты дальнего действия, над которыми я работал, были закрыты, потому что их доводка явно требовала нескольких лет. Все было разумно, я бы так сказал.

Сейчас говорят: "Дураки там сидели, Сталин дурак, дураки, кто его окружали". Только журналисты современные очень умные. Это все чушь собачья. Они были умные люди. Единственное, что они не смогли угадать, или их Гитлер сумел обмануть – это начало войны. Она началась раньше, чем было мне сказано моими начальниками, а моим начальникам сказали более высокие начальники. Поэтому это нападение и для Сталина было большой неожиданностью.

Бернгардт: А Вы не читали Виктора Суворова – его "Ледокол", "День М"?

Борис Викторович: Это редкостный дурак и лгун! Не знаю, на какие деньги он врет, но то, что я читал, – это мерзость. Я же тогда жил, я все помню. Какие-то планы он там обнаружил, что Гитлер на неделю раньше нас начал войну... Это чушь, я же в оборонной промышленности работал, мы были "на переднем крае", и нам сказали, когда начнется война. Через три года, а не через неделю! Война началась раньше, но сама-то наша страна считала, что у нас еще три года впереди. А Суворов сказал – через неделю.

Глупость это или подлость, не знаю. Во всяком случае, я к нему отношусь с величайшим омерзением, такого подлеца поискать надо. Это мое мнение. Может, оно не совпадает с мнением других людей, но сейчас люди не знают, что тогда было, и можно врать все что угодно. Он и врет. Понимаете, мы были абсолютно не готовы к войне, я же знаю состояние оборонной промышленности того времени. Поэтому мы не могли по Суворову, как он считает, начать. Нечем было начинать!

Бернгардт: Он там пишет, например, об огромном количестве планеров, которые стояли под открытым небом и заведомо не могли перезимовать, и о многом другом...

Борис Викторович: Ну и что? Вполне такое могло быть, потому что кавардака у нас и до сих пор повсюду много. Например, мы захватили Прибалтику и начали перебазировать туда передовые части. В частности, сняли артиллерию с крепостей, которые стояли по старой границе, а на новой не успели поставить. Когда немцы наступали, они шли спокойно.

Я видел эти огромные крепостные сооружения в Бессарабии, когда мы ездили с женой на юг в отпуск. Я лазал по этим дотам, долговременным огневым точкам. Там уже ничего не было, но я видел, какие это здоровенные бетонные сооружения. Но вооружение эти идиоты сняли и поволокли вперед, а здесь ничего не было.

А Суворов – это просто удивительно... Когда я слышу о его книжках, то думаю: он на самом деле дурак или прикидывается, чтобы заработать деньги? Честный человек не может такого написать, если он рылся в архивах, смотрел документы, переписку и так далее. Он, конечно, подлец и негодяй, вот мое мнение, если он делал это намеренно. А по-моему, он делал намеренно, чтобы заработать славу или еще что-нибудь.

Дела немецкие

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, как я понял, Вы довольно часто встречались с Горбачевым.

Борис Викторович Раушенбах: Нет, не часто. Несколько раз, но мы с ним друг друга любили. В том смысле, что он ко мне очень хорошо относился, и я к нему тоже. Я считаю, что это положительный персонаж в нашей истории.

Я был у него на приемах несколько раз, пробивал воссоздание Республики немцев Поволжья, но тогда ничего не получилось. Года полтора назад мы с ним где-то встретились...

Вера Михайловна Раушенбах: Он же нас приглашал на прием в свой Фонд.

Борис Викторович: Это само собой, но та встреча была где-то в другом месте, куда мы с ним были приглашены независимо друг от друга. Он, увидев меня, подошел и сказал: "Если бы я остался у власти, мы бы с Вами восстановили Республику". Не знаю, может он это для красного словца говорил?

Вера Михайловна: Он просто был слишком слаб для этого, вот в чем дело.

Борис Викторович: Он, конечно, был слаб с его интеллигентской мягкотелостью, когда надо было стукнуть по столу, кого-то прогнать. А он не мог этого сделать, это был не тот человек. Надо иметь квадратную морду и уметь бить кулаком по столу, тогда можно править Россией. А он вежливо: "Давайте вместе изменим социализм..."

Нет, для России в то время это был совершенно не подходящий человек. Абсолютно. Он думал, что начнет перестройку, все обрадуются и бросятся строить социализм, а все побежали воровать. Я уже где-то об этом говорил. Он думал, что начальство ринется строить социализм под его руководством. Да плевали они на социализм, когда можно что-то хапнуть! С этим и сейчас не лучше. Так что бедная Россия...

Бернгардт: А когда он был Генеральным секретарем, то общение, наверное, происходило в считанные минуты?

Борис Викторович: Нет, почему же. Мы с ним однажды договорились, что он посвятит нам столько времени, сколько надо, потому что я явлюсь к нему не один, а в сопровождении активистов немецкого движения. Он пригласил на это совещание в мае 91-го года руководителей Саратовского и Волгоградского обкомов, потому что предполагалось, что туда будут переселять немцев из Казахстана.

Бернгардт: И Гусев, наверное, тоже был?

Борис Викторович: Я подробностей не помню, но Гусев был точно. И вот собрались все, я, кажется, сделал какое-то "наглое" заявление, что, мол, надо всех несогласных гнать в шею и нас туда переселять. Затем пара наших делегатов выступила, а обкомовцы молчали. Потом Горбачев сказал, что уже прошло много времени, и объявил перерыв на 30 минут. Пригласил меня, обкомовцев, еще человека 3-4 попить чая в заднем кабинете. Мы там пили чай с печеньем и продолжали разговор уже не в официальном, а в узком кругу.

И я понял из этого разговора, что ничего он с ними не может сделать. Он слишком слаб – обкомовцы его не слушаются. Что бы он ни говорил, они усмехались и делали свое. Я понял, что он – не та фигура. Ельцин бы это скорей пробил, если бы ему надо было. Он заорал бы, застучал. А этот вежливые слова говорит, в общем правильные, но им плевать на правильность слов.

Они боялись, что Немреспублика отнимет от их областей куски и они станут маленькими. Один даже сказал: "Что ж, моя область станет такой же маленькой, как..." – и назвал какую-то область. Сейчас у него область большая, и значит вес соответствующий, а потом станет маленькой, и вес будет пустяковый. Вот чего он боялся. Из области с решающим словом на совещаниях в ЦК она станет областью, на которую плюют.

И я понял, что все это – пустая болтовня, что ничем это не кончится. Я Горбачеву и этим обкомовцам сказал, что тогда все немцы уедут в Германию: "Если вы с этим согласны,

так и скажите, что мы предлагаем вам сматываться из России. Скажите честно". Но они, сволочи, этого не сказали, стали лепетать какую-то ерунду... И все, кто хотел, уехали.

А сейчас это уже не имеет смысла. Хотя там что-то делают наши российские немцы, какие-то центры культурные создаются и так далее, но это все не то. Это идет по линии ФауДА и других германских организаций – попытка поддерживать немцев, живущих в разных странах. Попытка поддержать "немецкость" – "Дойчтум", есть такое понятие. Все это делается на деньги ФРГ, а не на русские. Какие-то центры, какие-то симфонические оркестры. В Москве есть такой, там был дирижер...

Бернгардт: Дик-Ференбах.

Борис Викторович: Да, да. В общем, Вы сами лучше меня все это знаете. Но то, что предполагалось, когда я встречался с Горбачевым, это все потеряно и уже невозможно. Вначале я думал, что еще можно что-то сделать. Когда я специально бывал у Горбачева, он пытался что-то решить, давал какие-то поручения, но они все были обречены на провал, потому что их саботировали обкомовцы Саратова и Волгограда. Он им говорит, а они кивают головой и ничего не делают. Когда я поехал по поручению Горбачева в Саратов и Волгоград, они мне сказали: "Мы ничего не будем делать. Народ нас не поймет".

Бернгардт: Надо же, о народе вспомнили...

Борис Викторович: Да. В Саратове один из обкомовцев мне сказал: "Знаете, если бы это были времена Брежнева и он нам позвонил, мы бы привели духовые оркестры, чтобы встречать вас, немцев. А сейчас мы плюем на Горбачева". Вот так.

Он потерял управление. Что-то он сделал не так – на него "плевали" обкомы. Раньше-то, во времена Брежнева, попробуй возрази – тут же полетишь.

Бернгардт: Собственно говоря, с этого все и началось. Сначала обкомы "плюнули" на Горбачева, потом секретари райкомов стали "плевать" на них, и в результате они все потеряли власть.

Борис Викторович: Да, и все развалилось.

Бернгардт: Вы ведь были председателем оргкомитета Съезда немцев СССР.

Борис Викторович: Да, было такое. Я пытался его провести, но... Он прошел, были приняты какие-то решения. Но внутри немецкого движения шла дурацкая грызня между разными лагерями, оно не было единым. Сколько я ни пытался им говорить: "Айниг, айниг, айниг" (так писали в Германии в 1870 году – "Быть едиными"), они дрались. Одна группировка облаивала другую вместо того, чтобы объединиться и что-то делать. В результате ничего не получилось ни у тех, ни у других.

Немцы наши, конечно, недостойно себя показали. Какие-то сомнительные личности появлялись вроде Гроута, демагогически кричали бессмысленные вещи. Их восторженно встречали толпы. По-русски (они немецкого языка-то не знали) выкрикивали какие-то лозунги, которые звучали очень мощно, вроде: "Если нам сейчас Правительство не даст автономию, то мы объявляем массовый выезд в Германию". Я думал: "Ну и что? Ну объявляйте. Думаете, вас кто-нибудь слушает? Ну и орите на здоровье". А им важно было, кто кого спихнет, кто кого перекричит.

Вера Михайловна: Кто главнее будет.

Борис Викторович: В общем, они провалили все, что можно. И даже то, чего нельзя было проваливать.

Вера Михайловна: Интересно, а Гроут-то уехал в Германию?

Борис Викторович: Уехал.

Бернгардт: Нет.

Борис Викторович: Странно. А мне говорили, что он в Германии и руководит там объединением российских немцев.

Вера Михайловна: Да кому он там нужен?!

Бернгардт: Он живет на Украине.

Вера Михайловна: Ага, на Украине! Это когда ему в России надавали, он уехал на Украину.

Бернгардт: Он все время там жил, в Бердянске.

Борис Викторович: Но раньше это было Советским Союзом. А сейчас, когда с помощью Ельцина все развалилось, конечно, это стало за границей. Это *(смеется)* можете опубликовать, я не боюсь.

Бернгардт: Как я уже Вам говорил, все, что в этой серии напечатано, санкционировано теми, кто это сказал. Только так и не иначе. А теперь позвольте сделать небольшое "лирическое" отступление.

Осенью 1991 года мы собирали данные о художниках – российских немцах, и я познакомился с Марией Церникель-Штейнбах. Она была в 1965 году в Москве, в составе второй делегации российских немцев, требовавшей восстановления Республики на Волге. Я, конечно, воспользовался случаем, чтобы расспросить ее о тех событиях, и, в частности, сказал ей: "Вы можете не отвечать на этот вопрос, но я, как человек, проживший жизнь в Советском Союзе, знаю, что в каждом советском коллективе – студенческом, военном, рабочем, любом – всегда был "стукач" из "органов"..."

Борис Викторович: Да.

Бернгардт: ...А то и не один. А в составе вашей делегации тем более должны были быть такие люди.

Как правило, все участники делегаций в той или иной мере за это пострадали. Но один из вас, тем не менее, сделал головокружительную карьеру. Молоденький учитель из Казахстана был приглашен в Москву, получил квартиру, работу в центральной газете "Нойес Лебен". И с тех пор, в глазах власть предержащих, он – "полномочный" представитель нашего народа. Не свидетельствует ли это о том, что данный человек мог быть..."

Борис Викторович: "Спецчеловеком".

Бернгардт: Да. Она мне сказала так: "Самой постановкой вопроса Вы уже на него ответили. Но у меня никаких документальных данных, естественно, нет".

Вы понимаете, о ком я говорю? В нашем движении есть только один человек с такой биографией.

Борис Викторович: Да, конечно.

Бернгардт: По моему убеждению, ни Россия, ни Германия не хотели воссоздания нашей Республики. Поэтому все "столкновения" внутри немецкой общественности если и не провоцировались "спецчеловеками", то, во всяком случае, умело использовались властями, чтобы сказать: "Вы сначала сами разберитесь, куда вы хотите – в Поволжье, в Калининград или еще куда-то. А потом уже будем что-то решать". Кстати, вышеупомянутый "товарищ" постоянно будировал тему Калининграда. У Вас не сложилось впечатления, что на самом деле за этим стояла определенная политика властей?

Борис Викторович: То, что там была политика властей, – это очевидно. Но у меня сложилось впечатление, что эта политика была какая-то "рваная", не было одной железной линии.

Бернгардт: То есть, в принципе, единым монолитом можно было "продать" автономию?

Борис Викторович: Думаю, что да. При Горбачеве можно было наверняка. Но даже и после его ухода, наверное, можно, если бы был монолит. Но ничего же монолитного не было, это была какая-то свора грызущихся собак.

Они меня терпели, потому что я не принадлежал ни к одной из групп, не поддерживал ни одну из них, был со всеми в нормальных отношениях. Единственное, я всем говорил: "Что ж вы, сволочи, неужели договориться между собой не можете?" Грубо говоря, так обстояло дело.

Бернгардт: А с Эдуардом Фердинандовичем Айрихом у Вас никаких отношений не было?

Борис Викторович: Никаких, кроме формальных.

Бернгардт: Но ведь он был очень известный человек – заслуженный тренер СССР, возглавлял команду алма-атинского "Динамо" по хоккею с мячом и хоккею на траве, а также сборную СССР по хоккею на траве.

Борис Викторович: Нет, я никогда с ним лично не общался. Я был далек от спортивных кругов.

Бернгардт: Он был и членом вашего оргкомитета. Трудармеец, участник немецкого движения еще с 60-х годов. В трудармии находился в Краснотурьинске.

Борис Викторович: Краснотурьинск – это же рядом с Тагилом. Значит мы с ним были почти в одном месте...

Бернгардт: А Вы не помните те события, которые предшествовали отмене Первого съезда? Он должен был пройти 12-15 марта 1991 года и вдруг 7 марта был неожиданно отменен.

Борис Викторович: Я принимал в этом участие, хотя сейчас уже забыл подробности. Но там были в действительности чисто технические причины. Это не была политика.

Бернгардт: Официальное объяснение отмены известно. 17 марта проводился Всесоюзный референдум...

Борис Викторович: Да, что-то мешало, и Съезд просили передвинуть.

Бернгардт: Но это мог быть просто надуманный предлог. Ведь сроки обоих мероприятий были известны задолго до этого, а отменили Съезд за 5 дней до его открытия, накануне 8 марта.

Борис Викторович: Я к этому решению отнесся спокойно, потому что оно не отменяло, а только смещало проведение Съезда. Я даже думал, что это правильно, что когда идет какая-то крупная государственная акция и вся пресса отвлечена, на нас не обратят никакого внимания.

Но в нашем немецком движении были люди, которым важен был скандал. Это Гроут, прежде всего. Потому что на фоне скандала он выглядел героем. Его восторженно приветствовала масса делегатов, поскольку они-то ничего не знали. Простые крестьяне приехали, первый раз здесь. Он выходит и начинает говорить: "Если нас не услышат, то мы все вместе покажем им! Мы все уедем в Германию!" И народ был в восторге: "Вот, наконец, решительный человек".

Он же прекрасно понимал, что это не так делается. Зато крик был мощным: "Мы объявим массовый выезд в Германию!" Выезд-то объявить можно, да кто вас пустит, дураков? Нет, он был крикун.

А сейчас, Вы говорите, он на Украине кричит? Он сыграл отрицательную роль, постоянно мешал работе, и у некоторых, в том числе у меня, даже возникло впечатление, что он сотрудник КГБ, которому поставлена задача развалить движение. Если это так, то его поведение было идеально правильным.

Бернгардт: Да, в свое время распускалась такая версия.

Борис Викторович: Просто иначе его поведение непонятно, а если это так, то все логично. Так и надо было действовать. Так что это очень сомнительная фигура, и слава Богу, что его нет сейчас в России. Кроме того, это человек, который не держит слова. А это самое страшное.

Например, мы с ним сидим в октябре 91-го года, и я говорю: "Нельзя развалить Съезд. У Вас одна позиция, у меня другая, у этого третья (мы сидели вчетвером). Но нельзя же все это выносить на Съезд! Давайте выясним, что у нас общего, и это предложим Съезду, а остальное оставим за скобками. Тогда будет единство".

Мы обо всем договорились, открываем Съезд, он выходит и все поперек говорит. Я знал, что есть разные течения, но я знал также, что нельзя допустить, чтобы течения так и остались течениями. Иначе ничего общего не будет. И я предложил: давайте выясним, что у нас общего. Выяснили. А теперь давайте так: такая-то позиция, все за? Все. Дальше.

Автономия? Автономия. На Волге или в Казахстане? На Волге. Все за? Все. Договорились? Договорились. Теперь это – тут разные мнения. Давайте отставим, не будем этот вопрос на Съезде поднимать. И так далее. В общем, мы договорились, он выходит и... все поперек!

Никакого уважения к нему после этого у меня, конечно, уже не было. Чего стоит человек, который не держит слова, данного тебе? Поэтому у меня отношение к нему как к человеку, который говорит одно, а делает другое...

Бернгардт: В общем-то для себя я давно понял, что наша проблема здесь никому не нужна.

Борис Викторович: В России? Никому не нужна, абсолютно.

Бернгардт: Поэтому, что касается восстановления нашей Республики, то по-другому и быть не могло. Такая судьба. Образно говоря, на небесах решили: "Завершить!"

Епископ Шпрингер в свое время создавал в Германии структуру лютеранской церкви из священников, работающих среди румынских немцев. И он мне рассказывал, что когда начался поток немцев из Румынии в Германию, то самыми яркими противниками этого переезда были румынские немцы, оказавшиеся в Германии к концу войны. Те, кто служил в Вермахте...

Борис Викторович: ...и потом остался в Германии.

Бернгардт: Да. И причина этого сопротивления была в следующем. Если в России немецкие традиции насчитывали, грубо говоря, 200 лет, то в Румынии, как у Вас написано, немцы жили 800 лет...

Борис Викторович: Это я написал со слов Эрны Оберт, дочери Германа Оберта.

Бернгардт: То есть там сложилась многовековая самобытная культура, и она этим потоком была унесена в небытие. Тем самым немецкая традиция в Румынии была завершена. И румынские немцы, уже жившие в Германии, это прекрасно понимали и были страшно недовольны.

Борис Викторович: Кстати, Оберт очень удивился, когда румыны объявили его великим румынским ученым. То его гнали в шею, а потом, когда он стал известным, выяснилось, что он великий румынский ученый.

Бернгардт: Мне рассказывали про "великорумынский" шовинизм.

Вера Михайловна: Обычная история. Чем меньше страна, тем больше шовинистской спеси.

Борис Викторович: Есть такой румынский космонавт Прунариу, который у нас летал, так вот Оберт в моем присутствии разговаривал с ним по-румынски. То есть он действительно хорошо знал румынский язык.

Бернгардт: А Вы с ними о том, как жилось румынским немцам, не говорили?

Борис Викторович: Нет. Это ведь был симпозиум по космическим исследованиям.

Бернгардт: Борис Викторович, а как Вы относитесь к идее проведения нового Съезда немцев России?

Борис Викторович: Мне кажется, любой съезд российских немцев полезен, кем бы он ни собирался, кроме каких-то явно обструкционистских людей, которых я себе не представляю. Поэтому я совершенно спокоен в том смысле, что это заведомо хорошо. Он может быть хуже, может быть лучше, может быть более удачным или менее, но, во всяком случае, это что-то.

Бернгардт: А как насчет Вашего участия?

Борис Викторович: Я готов участвовать, но из-за болезни – символически, в ограниченной форме: прийти на съезд, если буду здоров, выступить с приветствием, присутствовать на открытии. Но, конечно, я не могу быть во главе оргкомитета, поскольку это требует работы. А работать я, к сожалению, пока не могу. Может, через год, через два...

Абрамцево, июль – август 1999 г.

Вместо послесловия

Автор допускает возникновение у читателя впечатления, что в серии интервью с Б.В. Раушенбахом что-то упущено, о чем-то не спрошено, что освещены темы не столь значительные, а более важные не затронуты. Это естественно – уже потому, что автор не является специалистом в многообразных сферах профессиональной деятельности и увлеченности Бориса Раушенбаха.

Что же касается затронутой нами темы подготовки и проведения съездов "советских" немцев в начале 90-х годов, то она сама требует отдельной книги. Более того, "съездовский" этап нельзя вырвать из общего контекста борьбы российских (советских) немцев за восстановление своих прав на территории СССР.

Автор давно уже относится к дискуссиям о том периоде с легкой иронией, если здесь уместно это выражение. Это чувство пришло со смиренным осознанием существующей реальности: ни Россия, ни Германия не были заинтересованы в восстановлении нашей автономии, и активисты национального движения оказались вольными или невольными участниками международного спектакля – фарса под названием "Забота о возрождении российско-немецкого этноса".

Но в данном случае важнее другое. Для российских немцев имя Бориса Раушенбаха звучит так же, как, например, имя Святослава Рихтера – недостижимо высокие имена из обихода официальной пропаганды... И уже в силу этого как бы оторванные от остального этноса. А как же пресловутый "зов крови"? Как он звучит у них, "вознесенных"?

Увы, мы уже никогда до конца не узнаем, какие эмоции скрывались за броней кажущейся отстраненности великого пианиста. В конце февраля 1993 года, во время III Съезда немцев бывшего СССР, мне довелось общаться по поводу приветственной телеграммы Рихтера в адрес Съезда с супругой Святослава Теофиловича – Н.Л. Дорлиак (сам он находился в Италии), и я был поражен ее осведомленности о нашем национальном движении. На что Нина Львовна сказала: "В этом нет ничего удивительного, отца Святослава Теофиловича расстреляли как немца..."

Беседы с Борисом Викторовичем Раушенбахом подтвердили – в этом действительно "нет ничего удивительного". Все, и великое в том числе, произрастает из семени под названием семья, питаемого живительными соками одной и той же для всех почвы, имя которой – народ.

Эдуард Бернгардт